

Новая игрушка была чиста, как лунный свет, и он не хотел её ломать.

Поэтому он изменил правила игры: он хотел её объятий, её ласк, хотел стать её единственным... хотел, чтобы она всегда была совершенна, как солнце, которое все видят, но никто не может коснуться, а он — единственная тень, приближающаяся к солнцу.

Щенок тоже хотел стать наблюдателем за сверчками, полностью контролировать жизнь новой игрушки.

Он хотел приручить её, чтобы она принадлежала только ему.

Чтобы, когда ему больно, ей тоже было больно.

Чтобы, когда он приближался, в её глазах больше никого не было.

...

Он смутно чувствовал, что уже добился этого.

Он вдруг присел на корточки, голова раскалывалась от боли, за пределами этого тёмного мира, казалось, боги шептались, их голоса то усиливались, то становились неразборчивыми, приликая к его ушам.

— Щенок, почему ты кусаешься? — кто-то усмехнулся. — Не шуми, если хочешь спать — спи.

— Брат... ты сказал, что дашь мне всё, что я захочу, это ещё актуально?

— Сегодня мой день рождения, ты мне загадываешь желание? — тот человек рассмеялся. — Ладно, скажи.

— Я хочу быть твоим щенком всю жизнь.

Тёмное небо озарилось смутной картиной, тот человек сдержанно сказал:

— Думаешь, тебе ещё десять лет? Ты уже большой, не щенок.

— Большая собака тоже подойдёт. — он понял, что это его собственный голос. — Я хочу быть твоей собакой всю жизнь, хочу, чтобы рядом с тобой больше никого не было...

— Брат, я хочу тебя.

— ... — тот человек замолчал на мгновение. — Лай Ли, ты понимаешь, что говоришь?

Два голоса становились всё тише, чем больше он пытался вспомнить, тем больше они ускользали, как песок сквозь пальцы, даже если голова раскалывалась от боли, он не мог их слышать.

— Не жалей... щенок.

Потом было ещё одно предложение, кажется, из трёх слов.

Он бы сломал ногу, разорвал печень, истёк кровью, но дополз бы до того человека и заставил бы его повторить.

Он должен был услышать это снова.

*

Сознание Лай Ли то поднималось, то опускалось, иногда он плыл по поверхности моря, иногда погружался вместе с этими причудливыми воспоминаниями в глубины.

На дне было тихо, весь шум и гам утонули в бездне, только иногда невидимая рука касалась его лица, ощущение, как будто мокрое перо скользило по губам, но это не раздражало, а, наоборот, успокаивало.

Брат...

Лай Ли хотел увидеть лицо брата, почувствовать его сердцебиение, поэтому изо всех сил пытался открыть глаза, поднять палец.

В ушах раздался смутный голос:

— Кажется, он просыпается...

Что-то мягкое коснулось его лба, осторожно, как будто это был хрупкий драгоценный камень:

— Брат здесь, всё в порядке, спи...

Лай Ли вздрогнул от холода.

Он ещё не полностью открыл глаза, но уже начал нервничать: он что, без одежды? Почему так холодно?

Никто не смотрит за ним, он, наверное, опять плохо ест? Почему он всегда относится к себе, как к железу, только работа и бесполезные дела, и не спит нормально?

Брат тоже заметил это, только слегка коснулся его, и поцелуй длился мгновение.

Лай Ли был крайне недоволен, хотел сразу найти клей и приклеить губы брата к своей голове.

Но, как бы он ни хотел, сил не было.

Лай Ли приоткрыл глаза, голова снова опустилась, и он снова погрузился в сон. Этот сон был очень долгим, казалось, он наверстывал все те часы, которые недоспал за два года разлуки с Дай Линьсюанем.

Когда он снова проснулся, был ясный утренний день, солнечный свет, падающий из окна, был ярким и бледным.

Лай Ли попытался поднять руку, чтобы прикрыть глаза, но сил не было, тело словно парализовало, он не мог пошевелиться.

Это не больница.

Он уставился в незнакомый потолок, прошёл целый век, прежде чем смог вытянуть из памяти обрывки воспоминаний, сложить их в двенадцать лет.

Лай Ли резко очнулся и попытался сесть, но поднялась только душа, тело лишь слегка дёрнулось, и его прижали за плечо:

— Сэр, ваше тело ещё не восстановилось, не двигайтесь... — этот человек, похоже, был предупреждён заранее, и, прежде чем Лай Ли взорвался, быстро успокоил его: — Господин Дай сейчас занят, я помогу вам подключить видеозвонок.

Зрение Лай Ли постепенно прояснилось, он пристально смотрел на того.

Хотя этот сиделка говорил на понятном ему языке, было очевидно, что он иностранец.

Незнакомая комната, незнакомая обстановка, даже температура, погода, деревья за окном — всё было незнакомым.

...Он не в Даньши, он за границей.

Мысли и воспоминания Лай Ли мгновенно разлетелись в клочья, превратившись в хаотичный беспорядок. Он едва мог отличить, реальны ли окружающая обстановка и эта сиделка, или это всего лишь иллюзия. Возможно, он уже двенадцать лет находился в коме и только сегодня открыл глаза, а всё предыдущее было лишь плодом его воображения.

Сон о жёлтом просе подошёл к концу.

В одно мгновение паника, словно прилив, накрыла Лай Ли. Серые воспоминания первых десяти лет его жизни слились в один огромный кровавый рот, поглотив двенадцать последующих лет. Его тело неудержимо дрожало, а из горла вырвался низкий, яростный и жалобный стон.

— Сяо Ли!

— Лай Ли! Смотри на меня!

Этот зов принёс Лай Ли проблеск ясности. Он, словно ищущий выход в тумане, с трудом сосредоточил взгляд на экране ноутбука в руках сиделки.

— Всё в порядке, Сяо Ли, я здесь, — сдерживая тревогу, успокаивал Дай Линьсюань с другого конца экрана.

Лай Ли, словно путешественник, унесённый временным потоком, вдруг нашёл точку опоры. Его пылающее сердце, омытое потоком, на мгновение успокоилось.

Он медленно моргнул.

— Ты помнишь? Мы попали в аварию, ты получил самые тяжёлые травмы, долго лежал в реанимации, а после операции провёл несколько дней в отделении интенсивной терапии, отказываясь просыпаться, — Дай Линьсюань знал, о чём он хочет спросить.

Губы Лай Ли дрогнули, он хотел что-то сказать, но не мог издать ни звука.

— Врачи говорили, что ты, возможно, не проснёшься... — Дай Линьсюань открыл рот, но слова застряли в горле. Он подавил дрожь в голосе и постарался говорить как можно спокойнее: — Я перевёз тебя за границу. Изначально я тоже собирался поехать. Раньше ты говорил, что заболел, я долго думал и в итоге договорился с известной зарубежной медицинской командой. Если бы не эта авария, мы бы в тот же вечер сели на самолёт...

Лай Ли не слушал ни слова, изо всех сил пытаясь сложить губы в слова: [Где ты?]

<http://tl.rulate.ru/book/5558/195082>